

Глава 6: Взорванное Небо

Чужбины простирались по бескрайнему ландшафту, как бесконечная пустыня треснувшей земли и сухой кости, которая висела под тошнотворным, умирающим небом. Это была одиночная, массивная, сухая равнина, которую с трех сторон окружали массивные горы, вырезанные ветрами или богами, в зависимости от того, кому подавали свои прошения и кому поверили. Настолько полностью окружено было то, что сказки старых женщин повествовали о гигантской стопе великана - отпечаток пятки образовал три горных хребта, а палец ноги выкопал море.

Пики были на Западе, в центре лежал Альтарос и основной континент. Они присоединились к извилистым Шпилям, которые лежали на юге в направлении Малифора вдоль узкого перешейка, который присоединился к двум враждующим нациям. К востоку лежали пики, захватывающие конечную сторону окраин суши. Эти три каменные стены служили полезной целью отделения окрестностей от столицы и, таким образом, отрезали ее от остальной части Альтароса.

Четвертая сторона лежала на севере и открывалась в сторону холодного моря, с его мутной черной водой, разбивающейся о шпиль скрученной скалы, выросшие из береговой линии. Холодные ветры дули, неся единственный источник влаги, который могли найти эти земли; никакой другой водоносный ветер никогда не пройдет мимо блокады гор. Чем дальше на юг от холодного моря, тем меньше жизни можно найти. На самом юге землю кормили из стока, рожденного в талых снежных шапках извилистых Шпилей. Образовались жалкие реки, но этого было достаточно, чтобы там цепляться за отчаянную жизнь.

Он был в центре Земли, дальше от моря и ручья, где земля рыдала от соли и песка. Потрескавшаяся земля и палящее солнце без капли воды тысячами шагов означали яркую растительность и мучительную смерть. На земле не было даже трупов; не было достаточно жизни, чтобы оправдать их присутствие. Жестокий след природы на этих землях был достаточно суровым, но человек нашел в нем еще больше.

Земля была наполнена марай: дикой, бесконтрольной магией. Магия была связана с ее заклинателем в жизни, формируя двустороннее соглашение с целью и с кровью. Но у него было два состояния, одно - порядка, другое - беспорядка. Когда он пришел из тела, образованного из разлагающейся души, это была махджи - чистая магия, способная быть сформированной. Тем не менее, поскольку смерть требует живых, эти соглашения с ныне мертвыми распадались с течением времени. И вот чистая магия стала марайской - сгнившая магия, дикая магия.

Это можно было увидеть в воздухе, отличительный оттенок ненаправленной тайной силы, переходящей от темно-фиолетового к темно-зеленому, когда она жадно пожирала землю. Разлагающаяся магия воевала между двумя ее состояниями, оставляя воздух тяжелым с обугленным запахом статической и постоянно потрескивающей молнии. Марайцы были заперты, не сумев найти выхода из пределов гор, перерождаясь в закрученный зеленый туман, который окутывал небо и заставлял красные звезды светиться неестественным светом, пока они почти не затуманили черную часть неба ночью. Удушливый дым поглощал тепло солнца и поглощал дождь в его чревоугодии, оставляя только самую скудную воду из тумана, который дул из холодного моря на север, чтобы накормить редкие травы, растущие из испеченной солнцем земли. Слоан думала, что из нее получился бы болезненный труп для здешнего пейзажа, и от того, что она увидела, земля разделяла чувства.

Столица использовала эти земли, чтобы избавиться от марайцев, оставить остатки магии и останки больше не использовались. Их собирали в воздухе и на суше, строя без разгона, пока

само небо не искривилось. Это было проклятие, проклятие на земле, и она плакала на пустынной сцене перед ней.

Сухие кости замусорили горизонт, потому что на севере все еще было достаточно того, чтобы жизнь еще не умерла. Тишина равнин оглушала, когда она отражалась от отвесных скал. Не было никаких комаров, чтобы откладывать яйца в мертвых, никаких личинок, чтобы пожирать разлагающуюся плоть - жара варила их в яйцах, и постоянная засуха голодала немногих выживших с медленной, мучительной смертью. Как будто сама земля сжалась над несчастными созданиями, живущими здесь, убив их своей жестокой милостью. Она горько смеялась над тем, как это было уместно, что она, умирающая негодница и сирота всю свою жизнь, наконец, должна найти свой истинный дом и род среди этих больных существ.

Не было места немощным и слабым в этих суровых землях, в этих разбитых землях, которые могли питаться ничем, кроме самих себя, как голодающая змея пирует на своем собственном хвосте. Дикая магия убивала многое, что там жило, ее убийственная воля иногда милосердно стремительна, а чаще длинна и болезненна, когда страждущие смотрели на волдыри её кожи, пахнувшей зловонием гнили, просачивающимся через заполненные гноем трещины в её серой плоти. Марай была непостоянной в своей природе, непредсказуемой в своем распаде, в конечном счете фатальным.

Для многих животных здесь, многочисленные трупы умирающих мяукающих детенышей были самым легким источником пищи и воды. Другие охотились на скудных лугах, которые росли ближе к побережью, убивая тех, кто пасся на редких сорняках. К западу от столицы лежала пустыня ненасытной магии и пылающей жары. Она была отвратительным скопищем отходов и безумия, необитаемой и исковеркана.

Это было за пределами страны.

Она бежала туда, чтобы убежать от охотников на ведьм, даже самые храбрые из которых не посмели бы войти в эту землю верной смерти. Но теперь, когда она увидела, что перед ней предстали чужие Земли, она почувствовала, как тонущее чувство в ее сердце медленно разъедает ее желание жить. Умирающая девушка горько кашлянула, улыбаясь, шепча сквозь потрескавшиеся губы.

- Кажется, я ни на что не годна, кроме как устраивать дурацкое шоу для богов, - только эти несколько слов послали пронзительную боль из ее желудка в позвоночник, заставив ее мышцы сжиматься в агонии, и превратить ее дыхание в огонь в ее легких. Само ее тело разваливалось на куски; она не было бы первой, с кем это случилось здесь.

Стиснув зубы, она взглянула вверх, наклонив шею, чтобы посмотреть на небо, покрытое этой отвратительной зеленой пленкой.

- Надеюсь, я рассмешила вас, все мои дорогие дамы и господа. Для моего следующего трюка, думаю, я исчезну. Не беспокойтесь обо мне, - она тихо усмехнулась, прежде чем кровавый кашель ударил ее по груди, заставив упасть на колени. Она прижала руку к ужасному куску шрамовой плоти, покрывающему ее живот, когда она запечатала рану, закрытую огненными языками. Хотя она старалась изо всех сил, чтобы достать осколки лезвия, которые разбились в ее животе после того, как она убила своего владельца, кусочки металла все еще пронзали незаживающую плоть, рисуя новые невидимые раны под поверхностью.

- Проклятые Охотники на ведьм с их трижды проклятым серебром, - Слоан кашлянула, когда ее попытка подняться на ноги заставила кусочки металла погрузить свои зубы в ее плоть. - Это не

убивает меня больше, чем сталь, но это все еще чертовски больно.

Как гнездо шершней, они вкапывались в ее плоть и посылали через нее волны неумолимой боли и тошноты. Мимолетная мысль приходила ей в голову, возможно, от боли, возможно, от отчаяния - достать их.

- А, почему бы и нет? С тем же успехом можно покончить с этим. В конце концов, хуже всего то, что я умираю, - слова послали болезненный смешок через нее, когда она улыбнулась кровавой улыбкой. - Если мне повезет, я не умру здесь. Потом я умру, когда захочу, позже.

С усилием девушка, выбранная богами, рухнула на большую скалу. Гладкий, выветрившийся камень был горячим против ее кожи от света солнца, когда она прислонилась к нему спиной с мягким шипением дискомфорта. Ее сердце колотилось, несмотря на ее попытки сохранять спокойствие, ее пульс был как у лошади на скаку. У нее была только идея, а не план. Теперь она хваталась за соломинку, этот клочок надежды в ее груди причинял боль гораздо большую, чем тупая пустота отставки и поражения. В ее разум вошел образ умирающего человека, связанного веревкой из шипов. Борьба за жизнь была болезненной, но только слабовольные приняли смерть.

Чувствуя, что ее дыхание медленное, и ее сердце спокойное, она приготовилась к боли, которая придет от ее борьбы. Шрам на ее ране мог бы спасти ее жизнь на данный момент, но ей пришлось бы удалить его, если бы она хотела, чтобы он когда-либо заживал. Под ней была гниль - гниль и кровь из осколков серебра, зарытых в сантиметрах от ее желудка. Это было бы ужасно и кроваво, но не было другого выбора для ее выживания.

Ей придется разрезать рану и удалить из нее все.

С коротким кинжалом, держа его в дрожащей руке, она оторвала ткань от своей кровавой рубашки, как тряпку для ее рта. Птицы кружили над ней, греясь с хриплыми криками. Они были темными предзнаменованиями, потому что птицы могли чувствовать запах смерти и кончины. И девушка определенно умирала. Во всяком случае, она собиралась приблизить себя к смерти своей собственной рукой.

Ее пальцы были сжаты плотно вокруг грубой ручки лезвия, когда оно укусило плоть ее живота поцелуем холодной стали. Кровь хлынула в блестящем алом цвете, когда она резала живот, разрезая разрушенную плоть, которая была опалена пламенем. Когда губы со шрамами раздвинулись, отвратительный запах гноя наполнил ее ноздри и жег слезы на глазах. Она была гнилой, тошнотворной и безошибочно ее. Желчь сожгла ее горло, когда ее живот поднялся, непроизвольное движение, посылающее новые копы белой горячей боли, призывающей её остановиться.

Плоть под ним была темно-розовой с пленкой прозрачного белого цвета, кровь текла свободно, как река, когда болезненный сладкий запах гниения отправил ее сердце в падение. Это разложение не было обычным делом клинка. Над ней, карканье птиц-падальщиков, становились все громче.

На кусочках клинка был яд.

Этот тонкий клочок надежды, который был оборван дразнящими глазами, теперь был безнадежно вытащен из досягаемости, дернул насмешливо теми богами, которые выбрали ее или, возможно, дьяволом, который сделал ее ведьмой. В момент бреда она задавалась вопросом, являются ли они одним и тем же, просто единственным, безразличным Богом, наблюдающим за ней сверху с всезнающей апатией. Она могла видеть его форму в зеленом

небе над ней, видеть его глаза в сверкающих звездах. Они красиво мерцали, когда она умирала.

Память мелькнула в уме несчастной, когда безнадежность погрузилась глубоко в ее кости, мимолетное воспоминание о девушке, которую она наблюдала за смертью, и память о ненависти и сожалении, которые пролились через ее кровь. Она плюнула на богов в тот день, она сделает все, что в ее силах, чтобы отвергнуть их волю на ее жизнь. Если бы они искали ее смерти, если бы они хотели посмеяться над тщетностью ее последних мгновений, тогда она бы назло им и проклинала их лица. И она будет жить.

- Извините, что разочаровываю вас, но я думаю, что все же решу жить немного дольше, - она выскочила. - Я все еще должна заплатить вам за мою сестру, - если боги пожелают ей смерти, она будет жить.

Именно эта решимость заставляла ее сердце качаться, усиливала ее решимость и сжимала челюсть. Проникнув в гниющую рану, она прощупывала все нервными пальцами, ощущая давление металла. Она чувствовала, как осколки копались в ее плоти, чувствовала боль, когда они вырезали в ней новые раны. Она привыкла к боли, проследила ее до корней. Ее желудок содрогнулся, и ее глаза затуманились от тошноты, но она вытащила один кусок дрожащими пальцами, острый металл, жестоко блестящий на свете. Ей потребовалась вечность, чтобы извлечь остальное, нервы ее притупились, когда она изо всех сил сопротивлялась подавляющему желанию тянуть. Лужа крови вокруг нее была жуткой, так как она привлекала все больше и больше падальщиков, ожидающих ее смерти. Наконец, она не нашла больше серебра среди гниющей плоти, чувствуя лишь фантомные боли, которые пробили ее кишечник и заставили ее рефлекторно побледнеть. Ее лицо было костно-белым; ее быстрое сердце билось бешеным пульсом. Ее окровавленная рука была стеснена от напряжения; ее грудь вздымалась, когда она выпускала дыхание, которое она не знала, что держала. Карканье над ней становилось все громче.

В ране был яд, но она не могла исцелить его сейчас. Даже когда она думала об этом, она шипела на большое кошачье существо, которое рискнуло подойти слишком близко к ней. Она посмотрела на нее, ноздри вспыхнули, когда она почувствовала запах крови, но кинжала в ее руке было достаточно, чтобы отогнать ее. Ей пришлось двигаться, прятаться, пока она не смогла спокойно позаботиться о ранении. Тем не менее, когда она пыталась встать, массивное копье агонии выстрелило в ее позвоночник и вырвало дыхание из ее легких, как когтистая рука, ее тело сжималось в чистом рефлексе, когда рана в ее животе разорвалась. Свежая кровь пролилась, когда она прижала руку к животу, дрожа от боли.

Запах, который поднялся из раны, был знаком, вызвав воспоминания о ней, когда ребенком она училась у старика в Телавире, потянувшись к маленькой банке с светло-синим цветком внутри. Верх был плотно завинчен, поэтому она бросила его на землю, разбив стекло, прежде чем она нагнулась, чтобы забрать цветок. Когда она коснулась ее пальцев, ее кожа онемела, посылая кровь, несущуюся на поверхность, и смывая ее кожу в глубокий розовый цвет. Когда старик вошел, увидел цветок в ее руке, он выбил его из ее рук криком, взглядом ужасной ярости на его лице. Взяв в руки один из осколков стекла на полу, он порезал ей палец лезвием, неосторожно, как она кричала и плакала от страха.

От этого небольшого пореза кровь хлынула, как неудержимая бутылка, стекая по ее руке и капая на пол. Рана отказалась останавливаться, даже после того, как он прижал ткань к ее коже. В конце концов, старый профессор использовал грязно пахнущую мазь из шкафа, чтобы закрыть рану и остановить кровотечение. Когда она спросила его о цветке, он просто ответил, что это морозная Лилия. Он сказал ей, что она маленькая и ничем не примечательная, но

смертоноснее любого клинка. Он улыбнулся тогда, сказав, что это было похоже на нее.

Так она и получила свое имя.

Память угасла, и девушка с именем убийцы была возвращена в настоящее. Она теряла кровь со скоростью, которая оставила бы ее мертвой через несколько часов; извлечение осколков серебра было необходимо, но это только ускорило ее неминуемую смерть. Она не могла удалить яд без необходимых материалов, но она все еще могла выиграть время, чтобы исцелиться. Этого должно быть достаточно.

Все еще истекая кровью из отверстия в животе, Лили врылась в свою пачку скудных припасов, чтобы выловить болезненный тонкий мешочек воды. Оторвав полоску ткани, она очистила рану, как могла, сжимая зубы, когда слышала позывы к тошноте. Трата воды была необходима - инфекция разрушила бы цель того, что она собиралась сделать. С каждой каплей, которая выплескивалась из колбы, она знала, что теперь она привержена своей задаче. Нет, скорее, она была предана давным-давно. Ее жизнь - все ее прошлое, и все ее будущее - она должна была бы поставить все это на следующие несколько моментов.

Вспоминая свои уроки во дворе с пожилым профессором, она вспоминала их дискуссии о магии и времени. Она помнила бесконечные теории об их сложных отношениях, казалось бы, неустанную волну слов, которые текли из его уст. Как она хотела сейчас, чтобы она обратила тогда на это более пристальное внимание, но сейчас она знала достаточно основ, чтобы сделать попытку. Она не могла остановить время, но она могла замедлить его прохождение. Это заклинание не сняло бы действие яда, это была бы лишь возможность продлить ее жизнь до смерти. С задержкой она могла спрятаться и исцелиться. Это была маленькая возможность.

У нее не было других вариантов.

Прижавшись спиной к зазубренной земле, Лили ненадолго закопала сумку, прежде чем нашла то, что искала. Бормоча искаженное пение под ее дыханием, она разбила три фиолетовых кристалла, которые быстро рассеялись в воздухе как порошкообразный туман.

Кристаллизуется махджи в подлинную силу. Величайшая сила, известная человеку, со своей мощью в умелых руках могла сровнять город в мерцании мысли. Они были приобретены у благотворителя в Телавире, торговца черного рынка. Ей нужно было использовать эти кристаллы для заклинания, которое она собиралась сотворить; ее собственное тело было проклято и не несло в себе своего собственного махджи. Если она не закончит заклинание такого масштаба, ответная реакция, несомненно, убьет ее.

Она чувствовала, как необузданная, бесконтрольная сила чистой магии безумно потрескивала, смешиваясь с потраченным впустую диким мараем в воздухе. Она боролась, чтобы держать его под контролем, шепча заклинания, спешившее остановить его ветхое распространение. С каждым ударом ее песнопения она отбрасывала распространение марая, но его пятнышко уходило глубоко в корни. Любой промах ее концентрации угрожал отправить ее магию в необратимый упадок. Условия едва ли были идеальными, чтобы проверить ее теорию - теорию ее магистра, но у нее не было больше времени.

С закрытыми глазами ее тело покачивалось, когда она принимала фиолетовый махджи, втягивая его из воздуха вокруг нее. Пронзенная магия потрескивала пальцами до ямы желудка и кружила по всему телу, согревая вены и ускоряя пульс. Естественный центр для слияния магии находился в основании живота, но ее рана оставляла ее чувствительной и открытой, еще больше мешая уже почти невозможному заклинанию. Жужжание в ее висках вызвало дрожь в ее позвоночнике, когда ее зрение стало яснее, ее нервы горели, покалывая при малейшем

прикосновении. Это была безумная эйфория магии, которая согнула многие умы и сломала еще много.

Без остановки, чтобы упиваться ее высотой, Слоан начал ее петь, слова придавая форму махджи, что текла в ее тело. Сила лилась из нее, следуя ее воле. С помощью магии слова дали каденцию, импульс для магии, чтобы течь с тем, что нужно, чтобы соответствовать сердцебиению мира вокруг нее. Смысл был не нужен, просто ритм, и она чувствовала, как магия следует в потоке, который рос с каждым ударом ее пения. Это был шнур из тонких фиолетовых усиков, медленно откручивающихся от кончика пальца. Он превратился в веревку, обвивающую пупок, обвивающую рану и растущую в толщину.

Небольшое количество крови вытекло, ее ослабленное лицо и неустойчивая основа магии не в состоянии полностью контролировать силу. Утечка будет кровоточить вокруг нее, как марай, приводя всех слабых существ поблизости к приступам безумия. Возможно, это было бы желательно; это могло бы держать ее в живых достаточно долго, чтобы закончить заклинание, чтобы она могла умереть должным образом позже.

Лили чувствовала, как магия останавливает все, когда она закрывала свою печать, замедляя даже время до слабого сопротивления вокруг ее живота. Тепло надежды наполняло ее, когда она чувствовала обильное кровотечение из-за яда, замедляющееся, пока оно почти не остановилось полностью. На мгновение, она подумала, что это сработало. С раной, обработанной вовремя, она сможет спрятаться и исцелиться. Она сможет выжить.

Она должна была знать лучше.

Боги всегда смотрели на жестокие забавы, и она не находила покоя от их мучений в этой жизни. Умиравшая девушка почти закончила, но в внезапном порыве последняя магия излилась из нее, когда сила от кристаллов истощилась, и она почувствовала буксир в своей груди ниже грудины. Волшебный шнур притягивал ее душу силой богов. Боль была невероятной и жгучей, но она не остановила свое пение - чтобы доделать это, определенное заклинание смерти.

Ее зрение сужалось, края окрашивались в черный цвет, когда она рухнула на землю, кровавый рот двигался в бешеном журчании слов, отчаянно держа пение с ее угасающей силой воли. Последние восемь слов девушка запечатала словами по привычке, смысл которых для нее никогда не был более ясен, чем сейчас: клятва в крови, клятва в жизни. Жадная магия поглощала ее жизненную силу, из которой она взяла свою долю соглашения, ее избитое тело, наконец, уступило, когда ее стучащая голова заставила все исчезнуть.

Карканье падальщиков над ней затихло.

<http://tl.rulate.ru/book/15480/311753>